

традиционными буквами *Θ. Б.* был он). Понятие счастья для него неполно без измерения того, сколько оно стоит. Сие касается уже не только данной статьи, но и всей системы идей, которую представляет «Северная пчела» и ее шеф. Если мы вспомним «Ивана Выжигина», начинателя так называемой «нравственно-сатирической» ветви в русской беллетристике, то там герой в конце получал не только красивую жену, деток-херувимов и поместье в Крыму, но и м и л л и о н, что было денежным эквивалентом его счастья. По существу ради этого миллиона он и старался — жил в бедности, странствовал, разочаровывался в друзьях, впадал в грех и т. д. Поспел миллион, и идеал материализовался, искания закончились, амбиция удовлетворилась.

Нельзя недооценивать влияния этой идеологии на публику. «Иван Выжигин» разошелся по России в тысячах экземпляров. К 1834 г. он выдержал несколько изданий, был переведен на иностранные языки, получил продолжение в виде «Петра Ивановича Выжигина». Его не могли убить ни пародии А. А. Орлова, ни едкая критика Пушкина, ни насмешки «Литературной газеты» и «Телескопа». Роман раскупался, как раскупалась и «Северная пчела», и делал свое дело — недаром у Булгарина появились подражатели, «последователи», «ученики» в литературе.

Гоголь, как известно, с первых шагов на литературном поприще оказался среди оппонентов булгаринской линии. Он не только примкнул к пушкинской «аристократической» партии и впоследствии в «Современнике» открыто осмеял газету Булгарина, он вступил с этим направлением в спор, который вышел за пределы борьбы с частным лицом или частным изданием. В самих «Арабесках», в трех повестях этого сборника, одной из которых являются «Записки сумасшедшего», а двумя другими «Невский проспект» и «Портрет», «Северная пчела» осмеивается трижды. В «Портрете» она делает рекламу польстившемуся на червонцы Чарткову, в «Невском проспекте» ее подписчиком и почитателем является поручик Пирогов. «Курские помещики хорошо пишут», — замечает Поприщин, прочитав в ней описание бала. «Курский помещик» — не кто иной, как «чухонский помещик», т. е. сам Булгарин, подписывавший так свои очерки петербургских нравов (в которые, кстати, входили и описания балов). Конечно, полемика с «Пчелой» и представляемой ею т о ч к о й з р е н и я — не единственный источник гоголевской прозы, но, тем не менее, существенный. Присутствует он и в «Записках сумасшедшего».

По Булгарину, лишь «честный труд», постепенность, верная служба могут привести к достижению идеала. Не зарываться! — вот лозунг булгаринского человека. Будь нравствен прежде всего по отношению к закону, системе, правилам, принятым в обществе, и оно вознаградит тебя. И даже с л у ч а й — скажем, получение богатого наследства, внезапное обнаружение высокого происхождения героя (что и происходит в «Выжигине») — выпадает в награду тем, кто с м и р н о исполнял эту роль.

Притча о сумасшедшем, опубликованная в «Пчеле» и являющаяся как бы прапародией на гоголевскую повесть, точно отвечает рекомендациям этого морального кодекса. Герой «не зарывается». Минутное обольщение (без него не было бы интриги) сменяется искренним раскаянием, и в трудах добывается избавление. В сюжете с чуть не попавшим в желтый дом честолюбцем нет трагедии: история, приключившаяся с ним, всего лишь недоразумение, возникшее между героем и обстоятельствами. Оно не безысходно, оно практически преодолимо. «Нравственность» нравственно-сатирической идеи тут состоит в том, что герой получает с о в е т ы, как и с п р а в и т ь с я, вернуться в лоно порядочности. Ему подбрасываются м е р ы, с помощью которых он может сделать это, не нарушая спокойствия. Этот реально-деловой подход к сумасшествию характерен. Для Булгарина проблема поправления своего психического здоровья — то же, что и поправка своих денежных дел. Недаром его притча называется: «Три листка из Дома сумасшедших